

А пишу вам се слово того деля,
чтобы не перестала память родителей наших
и наша, и свеча бы не угасла
(Из духовной грамоты великого князя Московского
Симеона Ивановича Гордого, писаной в 1353 г.)

УРЖУМСКИЕ ШАМОВЫ

Уржумские Шамовы, прямые родственники моей мамы Ксении Матвеевны по линии её отца – Матвея Саввича Шамова, по недоступности для меня вятских архивов, прослеживаются мной по ряду справочной литературы дореволюционного периода, имеющейся в Зональной Научной библиотеке Саратовского Госуниверситета, а также по рукописным воспоминаниям моей мамы.

Конечно, сведения, которые мне удалось получить по фамилии Шамовых достаточно отрывочны, так как в нашей университетской Научке имеется ограниченное количество книг по собственно Вятской губернии. Поэтому другими доступными печатными материалами были подробные дореволюционные справочные издания по предпринимательству и торговле в Российской империи в целом. По этим изданиям в какой – то мере удаётся проследить с 80-х гг. XIX в. ряд уржумских Шамовых и в первую очередь предпринимательскую деятельность лесопромышленника Саввы Дмитриевича ШАМОВА – дедушки моей мамы.

Конечно, интересна этимология самой фамилии, которую можно рассмотреть предположительно. Как часто бывает, основой могло быть прозвище по некоторым особенностям конкретного человека, или же географическое наименование местности.

В словаре В.И.Даля есть определение близкого слова «ШАМА», относящегося к тому человеку, «кто шамкает, говорит с шипом».¹ Возможно, что какой- то дефект речи стал основанием для прозвища, ставшего впоследствии фамилией целого разветвлённого рода.

С другой стороны, поиск схожих географических названий местности, населённых пунктов, дал также свой неожиданный результат. Так в Вятской губернии в Уржумском уезде, во втором стане отмечен населённый пункт с названием «ШАМОВ». Это был казённый починок, который, как правило, мог быть вновь возникшим сельским поселением, выселком в один или несколько дворов.² Починок был расположен при речке Чукше, которая видимо была настолько незначительной, что не прослеживается на дореволюционной карте Вятской губернии. Однако, координаты всё же приблизительно можно определить, так как известно, что починок «Шамов» находился от уездного города Уржума в 54 верстах, а от станového квартала (2-й становой квартал был в Верхнее – Шурминском заводе, в 28 верстах от Уржума) – в 19 верстах.

Починок, видимо, имел тенденцию к росту, так как на третью четверть XIX в. в нём было 26 дворов, а число жителей составляло: мужского пола – 105, а женского – 102.

В описании починка указывалось, что в нём «нет: церквей, молитвенных зданий, учебных и благотворительных заведений почтовых станций, ярмарок, базаров, пристаней, фабрик и заводов».³

Город Уржум, основанный в 1584 г. при царе Фёдоре Ивановиче по распоряжению Бориса Годунова со стратегической целью сторожевого форпоста русского присутствия на пограничье с бунтовавшими Черемисами,

управлялся воеводами. В 1647г. была выстроена деревянная крепость, но с тех давних пор она сгнила вся без остатка и в конце XVIII в. её уже не существовало. При открытии в 1780 г. Вятского наместничества Уржум был назначен уездным городом, и в 1796 и 1802гг. оставлен в том же значении в Вятской губернии.

Город, стоявший при реке Уржумке, имел три церкви. Из них две были в самом городе, а одна находилась за городом. Домов насчитывалось 162. Жителей было 5 купцов III гильдии, 152 человека мещан и цеховых и 99 однодворцев, содержавших ландмилицию. Торговли в городе почти не существовало, фабрик и заводов не было, в уезде же находились два железоделательных завода: Шурминский и Буйский Мосоловых. Железо на эти заводы доставлялось с Залазнинского завода, состоявшего в Кайской округе и принадлежавшего тем же Мосоловым.⁴

Уездный город УРЖУМ на рубеже 60 – х гг. XIX в. продолжал вести свою прежнюю патриархальную жизнь, мало ещё связанную с новыми капиталистическими отношениями, какие развивались в Российской Империи в начинающуюся эпоху Великих Реформ. Это был маленький город, «пространство земли» которого было «менее 1 квадратной версты, а число жителей составляло 1988 человек». Из 12 городов Вятской губернии Уржум стоял на 11 месте. В нём имелось 377 зданий, а отношение числа зданий к числу жителей составляло 1:5. По Уржумскому уезду тогда насчитывалось 1489 населённых пунктов.⁵

Правда, жителей в городе Уржуме, по сведениям губернского статистического комитета за 1861год, считалось несколько меньше - всего 994 мужчин и 953 женщины или 1947 человек обоего пола. Но интересны следующие данные социального состава жителей Уржума, представленные дореволюционной статистикой, как всегда, в точных цифрах, в том числе:

дворян потомственных – 5 муж. 5 жен.

дворян личных – 28 муж. 28 жен.

духовенства – 29 муж. 43 жен.

почётных граждан потомственных – 1 жен.

купцов – 110 муж. 127 жен.

мещан – 492 муж. 602 жен.

крестьян государственных - 89 муж. 33 жен.

крестьян удельных – 15 муж. 5 жен.

Временно - обязанных – 6 муж. 9 жен.

воинских чинов, состоящих на службе и их семейств- 132 муж. 49 жен.

бессрочно и временно – отпускных – 5.

отставных нижних чинов – 30, солдатских жён, вдов и дочерей – 31.

лиц, не принадлежащих к вышеозначенным разрядам – 53 муж. 20 жен.

Обывателей, приписанных к городу по ревизии (10 – 1857 г.): почётных граждан - 1 муж. 1 жен.; купцов - 107 муж. 99 жен.; мещан - 499 муж. 582 жен.; солдатских детей - 32 муж, 19 жен., а всего 639 муж. 701 жен. или 1340 обоего пола.

Лиц, владеющих в городе домами и другим недвижимым имуществом: чиновников 10, духовенства 9, купцов 22, мещан 92, крестьян государственных 12, временно – обязанных 2, отставных нижних чинов 27, всего 174.

В примыкающей к городу Инвалидной слободе проживали 13 душ мещан.

Торговля в городе была вообще весьма незначительна и имела некоторое развитие только на городских ярмарках.

В 1862г. было объявлено купеческих капиталов: по первой гильдии 1, по 3 – 39. Из них 12 капиталов производили торговлю в городе, а прочие занимались торговыми оборотами в других местах.

Иногородних купцов 1, крестьян, торгующих по свидетельствам, 11 человек.

Лавок в городе было 19, лавочек 21, гостиница 1, харчевня 1.

В городе ежегодно бывали две ярмарки: Троицкая – 9 дневная и в октябре – 7 дневная. Торговля на этих ярмарках производилась красными, галантерейными и другими товарами для удовлетворения потребностей жителей города и уезда. Товаров этих привозилось на сумму до 60 тысяч рублей. По воскресеньям, еженедельно бывали базары.

Заводов в городе имелось: 1 водочный, который выкуривал вина до 1000 вёдер и 2 салотопенных, где изготовлялись сальные свечи на 9 тыс. руб. Изделия сбывались на месте.⁶

Лесопромышленное предпринимательство в Вятской губернии ещё не получили тогда капиталистического импульса и испытывало едва ли не кризисные явления, о чём сообщает упомянутая выше Памятная книжка Вятской губернии на 1860г. «Лесная промышленность в губернии в недавнее время была одной из важнейших по своему развитию. Огромное количество кулей, мочала, дёгтя и угля сплавлялось ежегодно в низовые губернии, где всегда этот товар находил себе верный и выгодные сбыт.

К сожалению, в последние годы она сильно упала, и в некоторых уездах губернии выделка лесных изделий уже вовсе не существует как промыслы (Вятский, Нолинский, Сарапульский).

В настоящее время выделка брёвен, лубьёв и мочала производится только в уездах Малмыжском, Уржумском, Яранском, и Елабужском, откуда и сплавляются они водою в низовые губернии».⁷

Проходит десяток – или два лет, и капиталистическое предпринимательство, базировавшееся на лесных промыслах, постепенно стало всё шире развиваться в Вятской губернии, правда, используя по-прежнему в основном ручной труд.

В «Памятной книжке Вятской губернии на 1870г.» уже отмечается, что «лесная промышленность есть одна из важнейших в губернии по своему развитию, ибо огромные пространства лесов губернии привлекают множество рук к заработкам. Огромное количество кулей, мочала, дёгтя, брусьев, брёвен, досок и дров сплавляется ежегодно в низовые губернии, где всегда этот товар сбывается быстро и с большой выгодой. Примечательно, что здешние лесопромышленники до сих пор не завели лесопильных заводов; пилка же леса производится ручная, отчего товар обходится дороже и не достигает надлежащей ценности.

В настоящее время лесная промышленность особо развита в уездах: Малмыжском, Слободском, Уржумском и Яранском, откуда они сплавляются в низовые губернии. В этих четырёх уездах лесопромышленниками куплено разного леса из казённых дачь Вятской губернии только с 1 сентября по первое марта 1869 года на 257,459р.11 ¼ коп.; вообще же по всей губернии куплено из казённых дачь, кроме дров и мелкого лесу, 84,327 сосновых брёвен и 197,042 еловых; всего куплено лесу на 289,802р. 68 ¾ коп. Добывание смолы и дёгтю есть промыслы, распространённые в приведённых уездах.

Сплав производился следующим образом. Промышленники на барках - расшивах длиной от 25 до 30 сажень, сплавляли сосновые и еловые доски, а также липовые плахи. Барки эти не возвращались, а продавались на Волге, в Саратове, Рыбинску и других городах. Сосновые и еловые брусья и брёвна сплавлялись на плотках (от 30 до 50 брёвен) и кошмах (от 100 до 300 брёвен)».⁸

В середине 70-х гг. XIX в., ассортимент лесного производства расширяется. По-прежнему его главными предметами были: сосновые брусья, еловый лес, смола и дёготь, заготавливаемые для сплава за пределы губернии.

Лес, сплавлявшийся из Вятской губернии, шёл на удовлетворение нужд населения поволжских местностей, поэтому от благосостояния тех жителей Вятская лесная торговля находилась в тесной зависимости. Кроме того, заготавливались для продажи на месте - брёвна, жерди заборные, дрова (куб сажени), хворост, осмол, береста (на смолокурные заводы), ивовая кора, мочало.⁹

Стал развиваться и сам город Уржум. К 1870г. число его жителей составило 2514 человек (1,288 муж. и 1,226 жен.). Из их числа дворяне составляли 1/12, купцы и мещане 1/3, крестьяне – ¼ всего населения города. В религиозном отношении все жители за исключением 12 католиков, 7 протестантов, 2 евреев, 8 магометан и 1 язычника исповедовали православную веру. Кроме того, Уржуме было 45 старообрядцев («раскольников»)¹⁰

Что касается «раскольников», как их именovala официальная историография, то дореволюционный исследователь вятской старины Н.Спасский приводит любопытные сведения, что их «более всего встречается в уездах Глазовском, Малмыжском, Нолинском и Уржумском, но и здесь из не более 5% от всей массы населения. Из 54 960 раскольников считается безпоповцев до 34 500, поповцев до 20 000 и молокан до 400 человек. Последователи безпоповщинской секты принадлежат преимущественно к Поморскому толку согласий Федосеевского, Даниловского и Филипповского. Раскольники Филипповского согласия имеют свои мелкие подразделения, определить точно разность учения которых и сами раскольники не в состоянии: так, например, раскольники Филипповского согласия в Уржумском уезде называют себя рябиновцами в силу того, что почитают крест только из рябинового дерева».¹¹

В Уржуме в 1870 г. уже было 27 каменных домов и 285 деревянных. Магазинов для склада товаров в городе имелось 3 каменных и 6 деревянных. Торговых лавок: 45 каменных и 21 деревянная.

В небольшом городе, имевшем регулярный, Высочайше утверждённый план застройки, была 1 площадь, 4 продольных и 5 поперечных улицы; в длину город имел 1 версту и в поперечнике до ¾ версты.

В производственном отношении, правда, сдвиги были небольшие: бумагопрядильная фабрика а также поташный завод стояли без действия, но водочных заводов стало 2, а салотопенных – 3. На водочных заводах было выделано разных водок и наливок в течение года до 7,450 вёдер на сумму в 24 тыс. руб., а на салотопенных – 1тыс пудов сальных свеч и 1 тыс. пудов сала, большая часть которого отправлялась в Казань.

Местная торговля по-прежнему была пока ещё весьма незначительной и оживлялась только двумя традиционными уржумскими ярмарками: Троицкая, проводилась в октябре по случаю прихода святых икон с Вятки. Эта ярмарка продолжалась 9 дней и бывала на Белой речке. Вторая ярмарка длилась 7 дней. Общий оборот этих ярмарок в 1869 г. составил до 85 тыс. руб. Кроме ярмарок в Уржуму бывали еженедельные базары. На ярмарках и базарах предметами торговли были мануфактурные, галантерейные, бакалейные, игольные и колониальные товары, а также кубовая краска, чай, сахар, зерновой хлеб, мука, холст, шерсть, кожа, масло, различные вина, железные и чугунные изделия, мебель и деревянная посуда и пр.

В 1869г. зернового хлеба, муки, кож, сала, холста и хлебного вина было продано на 70 тыс. руб., а серебряных товаров, сукон, шёлковых и бумажных материй, чаю, сахару, виноградных вин и соли – на 90 тыс. руб. Большая часть товаров сбывалась городским жителям, а холст отправляли в Нолинск (до 195 тыс. аршин).

Оживление предпринимательства в Уржуме и его уезде привело к необходимости появления судно – сберегательных учреждений. 25 сентября

(1875-////) Министерством Внутренних дел был утверждён устав Общества потребителей г. Уржума, а с 28 ноября того же года Общество открыло свои действия. В 1875 г. действовало и Турекское Судно-сберегательное товарищество в с.Турек Уржумского уезда. Первоначальный основной капитал Товарищества (вспомогательные кассы и сельские банки) в Уржумском уезде составлял 52 856 руб.5 коп., а настоящий размер основного капитала составлял 122 797 руб. 36 и $\frac{3}{4}$ коп.¹²

Уржум стал развиваться и в культурном отношении. К 1870 г. в нём уже были уездное и приходское училища – мужское и женское, в которых обучалось 121 мальчик и 66 девочек. Таким образом, 1 учащийся приходился на 10 душ мужского пола и 1 учащаяся – на 16 душ женского пола.¹³

Уржум, как город преимущественно деревянный, к сожалению, подвергался пожарам. Один из них нашёл печальное упоминание даже в юбилейном издании Вятской губернии. 19 февраля 1880г. в г. Уржуме сгорел тогда земский дом, в котором помещалось административное и общественное управление (Уездное по воинской повинности Присутствие, Присутствие по крестьянским делам). Здесь же помещались и дела Комитета Красного Креста и Судно – сберегательного товарищества. Во время пожара, несмотря на старания пожарной команды спасти документы Присутствий не смогли. «Сгорели все находившиеся в производстве Присутствий дела, а равно иконы, портрет Государя Императора, медицинские инструменты, меры роста, законы, собрание узаконений и распоряжений правительства, мебель – всего сгорело вещей на сумму до 270 руб., а спасти сумели лишь часть архивных дел».¹⁴

Эпоха Великих Реформ 60-70гг. XIX в. дала мощный импульс предпринимательству, законодательно предоставив развивавшемуся торгово-промышленному классу новое юридическое обоснование его деятельности, закреплённое в «Положении о пошлинах на право торговли и других промыслов» 1863 и 1865гг.

В 1863г. в податном законе впервые было закреплено право на свободу предпринимательства: «Промысловые свидетельства выдаются лицам всех сословий без различия пола, как русским подданным, так и иностранцам». Ограничения устанавливались лишь для евреев, государственных служащих и военных. А согласно закону от 9 февраля 1865 г. приобретение прав купечества в полном объёме становилось доступно всем российским подданным, имевшим соответствующие капиталы. Число гильдий сокращалось до двух. К первой гильдии относилась оптовая торговля (плата за гильдейное свидетельство в год составляла 565 руб.); ко второй – розничная торговля и фабрично – заводская промышленность (плата за свидетельство колебалась от 40 до 120 руб.).

Таким образом, предприниматели получали от государства законодательные гарантии в своей деятельности, и эти гарантии действовали до взятия власти большевиками.¹⁵

Именно в это время стали появляться и набирать силу предприниматели из крестьянской среды, особенно старообрядчества, став наиболее устойчивым элементом российского капитализма пореформенного периода. По определению Владимира Рябушинского, представителя знаменитой старообрядческой династии промышленников, эмигранта и писателя, «Старообрядчество есть организованное выражение древнего русского благочестия, сохранившееся в русских народных низах».¹⁶ В. П. Рябушинский, представитель знаменитой старообрядческой династии промышленников, эмигрант и писатель, всех людей по тому, как они относятся к собственности, разделяет на 5 группы: 4 активных и одну пассивную.

«Первая группа – *хозяева* в душе, работающие, бережливые деловитые. Они – организаторы труда, созидатели ценностей, накопители мировых богатств».

Другие группы, определяются им как святые, завистники, неудачники и пассивное большинство (все курсивом выделить).

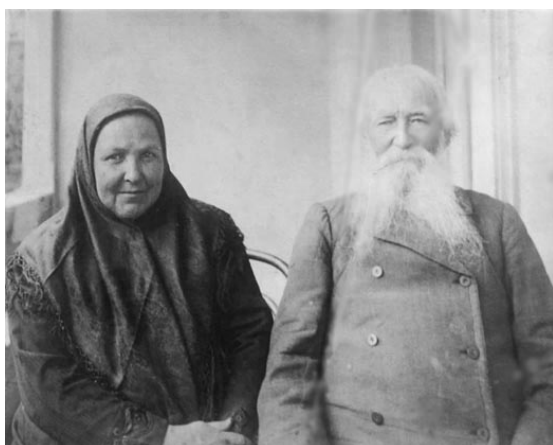
«Классический тип *хозяина* до сих пор сохраняется в лице *хозяйственного великорусского мужика*, этого упорного стяжателя, прижимистого, твёрдого, настойчивого в труде, смекалистого, ловкого, очень часто одарённого, но одновременно обуянного большой духовной гордостью»... «Основатель фирмы, выйдя из народной толщи, сохранял до самой смерти тот уклад жизни, в котором он вырос, несмотря на то, что уже являлся обладателем значительного состояния. Конечно, в его быту всё было лучше и обильнее, чем раньше, но, в сущности, то же самое. Хозяин не чувствовал себя ни в бытовом отношении ни в духовном *иным*, чем рабочие его фабрики. Но он очень гордился тем, что вокруг него «кормится много народа». В таком понимании своего положения бывший крепостной, а теперь первостатейный купец, совершенно не расходился со средой, из которой вышел. Все окружающие, бедные и богатые, окрестные мужики и его же фабричные, уважали старика именно за то, что он фабрикант, дающий заработок сотням и тысячам рабочих.

Два обстоятельства являются характерными для старых русских купеческих фамилий. Во – первых – их *крестьянское происхождение*, во – вторых, их *глубокая религиозность их основателей*.

Действительно, если все именитые купцы у нас из мужиков, то равным образом, все данные свидетельствуют о том, что родоначальники принадлежали как раз к тем деревенским семьям, которые отличались *особенной ревностью в вере*; немало среди них и старообрядцев», а «старообрядчество есть организованное выражение древнего русского благочестия, сохранившееся в русских народных низах».¹⁷

Вера и благотворительность, попечительство, честность и порядочность, жизнь в постоянном труде и природная предпринимательская сметка – все эти черты были присущи российским предпринимателям, вышедшим из самой гущи русского народа. С духовно – нравственной и профессионально – предпринимательской стороны показывает в своих известных мемуарах множество купеческих семей представитель одной из известных московских фамилий и эмигрант первой волны П.А.Бурышкин.¹⁸

Такими представителями провинциального российского предпринимательства из старообрядческой среды, востребованными жизнью и сумевшими утвердиться на общероссийском рынке, были уржумские Шамовы.

На фото: Савва Дмитриевич Шамов и его жена Ольга Ивановна Шамова (Домнина). Фото до 1918г.

Наиболее ранним является упоминание брата (видимо, старшего) Саввы Дмитриевича - ШАМОВА Никиты Дмитриевича. Возможно, он был первым из Шамовых, кто поднял лесопильное производство. Так известно, что в 1887 г. в Уржумском уезде, в Теребилловской волости в деревне Турек он уже имел тогда довольно солидное лесопильное производство, оценивавшееся в 9 тысяч рублей, где было занято 17 рабочих.¹⁹

В то же время Никита и Савва Дмитриевичи, записанные как крестьяне, показаны как владельцы лесопильного завода (1894г.) с 16 рабочими, находившегося в Больше - Шурминской волости Уржумского уезда.²⁰

На фото: Уржумский лес. Собственность Шамовых. Ольга Ивановна и члены семьи Шамовых.

Но Савва Дмитриевич начал в первой половине 90-х гг. и свое собственное производство. Так, годом основания его лесопильного завода отмечен 1894. Этот завод располагался в местности Шурма и Турек Большешурминской волости Уржумского уезда.²¹

Вскоре предпринимательская деятельность братьев Шамовых расширилась и для конца XIX – начала XX вв. уржумские купцы Никита и Савва Дмитриевичи в торгово-промышленной сфере были представлены достаточно широко как по ассортименту товаров, так и по географии предпринимательской деятельности, которая вышла за пределы Вятской губернии. Фактически они действовали на общероссийском рынке, и основным продуктом их предпринимательской деятельности был лес. В 1899г. Савва и Никита Дмитриевичи вместе вели своё лесопильное производство, находившееся на Немдинской пристани Больше – Шурминской волости Уржумского уезда Вятской губернии.²²

В том же году Никита Дмитриевич торговал мануфактурным и галантерейным товаром, а также привозными продуктами питания – «колониальными и гастрономическими товарами и фруктами» в Оренбургской губернии (Верхнеуральский уезд, Катайской волости, завод Загазинский), продавал зерновой хлеб и мельничные продукты в Уфимской губернии (Бирский уезд, Байкинской волости, деревня Чемаевка).²³

В свою очередь и Савва Дмитриевич в том же году наладил торговлю пищевыми продуктами – зерновым хлебом и мельничными продуктами в Вятской губернии (Уржумский уезд с. Лебяжье, той же волости). В начале XX в. село Лебяжье, расположенное на реке Вятке, было крупным селом. В нём находились церковь, школа, 41 торговое предприятие с оборотом в 170 тыс руб. и пристань, отправлявшая 142 тыс пудов грузов.²⁴ Продуктами Савва Дмитриевич торговал также и в селе Воробьёвская пристань Турекской волости, а в городе Уржуме на Воскресенской улице имел собственный дом.

Новым выгодным делом Саввы Дмитриевича была торговля строительными материалами и топливом за пределами Вятской губернии – в безлесных - Донской области (1 Донской округ, станция Константиновская и 2 Донской округ, хутор Калач) и Самарской губернии («Прочие местности. Новоузенский уезд, слобода Покровская»), куда лес сплавлялся по Каме и Волге.²⁵

Покровская слобода (Покровск с 1912, современный город Энгельс) находилась на левом берегу реки Волги, напротив губернского города Саратова. Естественно, что Савва Дмитриевич бывал с того времени и в Саратове, где и познакомился с купцами Ляховыми, известной и богатой семьёй саратовских маслобойщиков, которые

были как и уржумские Шамовы старообрядцами поморского согласия. Именно из этой семьи спустя полтора десятка лет и была взята невеста для Матвея Саввича - единственного сына и наследника Саввы Дмитриевича. Ей была ЛЯХОВА Екатерина Фёдоровна.

В начале нового XX века отмечаются и новые стороны деятельности Саввы Дмитриевича Шамова. На 1901 – 1906 г. приходится его не только торговая, но и активная общественная его деятельность. По городу Уржуму и Уржумскому уезду он был избран по уездному земству в гласные управы, причём странно, что среди списков гласных его фамилия значилась на последнем месте как избранного «от крестьян». С другой стороны, в том же справочном издании Савва Дмитриевич Шамов значится как купец и показан как член Раскладочного по промышленному налогу присутствия, где значился по первому податному участку. По этому же присутствию вместе с ним членом по избранию от Городской Думы значится и купец Пётр Никитич Шамов, надо понимать – племянник Саввы Дмитриевича.

С 1901 года и в последствии, Савва Дмитриевич в городе Уржуме был представлен и как агент кредитного и страхового общества «Россия».²⁶

Справочники по следующим 1904-1906 гг. только подтверждают прежнее стабильное финансовое и общественное положение уржумских купцов Шамовых – Саввы Дмитриевича и Петра Никитича.²⁷

К этому времени дальнейшее развитие получил и сам Уржум, расположенный в очень живописной местности. Если подъезжать к городу со

стороны Вятских Полян, то его панорама открывается вдруг, под горой. С возвышенности Отрясовской горы хорошо просматривается весь город. В центре его строений возвышаются главы старинного собора. Весь Уржум как бы в седловине. Со всех сторон к нему подступают леса. Основная часть городских улиц расположена вдоль берегов Уржумки. За рекой зеленеют заливные луга, а за ними снова кромка леса. Великолепный вид!²⁸

В городе под горой течёт небольшая речушка Шинерка, к которой ведёт крутой спуск по лестнице в сотню ступеней. На Воскресенской, или как её называли сами жители Главной улице, были выстроены двухэтажные каменные дома, в которых жили богатейшие люди уезда, да и губернии – Бушковы, Шамовы, Бердинские и другие.²⁹

По Всероссийской переписи населения 1897 г. в Уржуме числилось 4423 душ обоего пола и демографическая ситуация в городе была в позитиве. В 1901 г. браков было заключено 23, родилось 146, умерло 106. Естественный прирост составил 40 человек.³⁰

В последующие годы население города заметно выросло и составило в целом на 1905 г. 6601 человек (мужского п. – 3313, женского п. – 3288). По национальной принадлежности: русские составляли 98%, остальные (поляки, татары, евреи и др.) – 2%. По вероисповеданиям состав населения был следующим – православных – 88%, старообрядцев («раскольников») – 10%, , остальные составляли магометане, протестанты и евреи.

В городе было уже 6 православных церквей, 1 часовня, 1 раскольничья молельня. Общее число жилых строений было 532, из них – 72 каменных. (По другим сведениям – 99 каменных и 605 деревянных).

Город заметно улучшил своё благоустройство. Улицы имели керосиновое освещение (176 фонарей), Городская пожарная команда и Вольное пожарное

общество насчитывали 11 больших машин, 2 ручных, 3 гидropульта и 11 бочек. В городе было 3 гостиницы для приезжающих и 14 извозчиков.

Дальнейшее развитие получили учебные заведения Уржума. В городе была средняя женская гимназия на 454 учениц, которых обучали четверо учителей и шестеро учительниц. Были также низшее трёхклассное мужское городское училище с 5 учителями и 156 учениками, приходское мужское училище (учителей 4, учащихся 175), и также приходское женское начальное училище (учительниц 4, учениц 168). В смешанной церковно – приходской школе трое учителей обучали 46 мальчиков и 39 девочек.

Новым культурным явлением для Уржума стали библиотеки – читальни. Городская публичная библиотека насчитывала 4320 единиц хранения. Она имела 48 абонементов, а её читальный зал в 1903 г. посетили до 1300 человек. Земская библиотека для служащих в земстве имела 300 абонементов, а в библиотеке – читальне имени Батуева побывали в том же году 600 посетителей. Популярностью пользовалась библиотека – читальня при чайной Общества трезвости, которую посещали до 1000 человек в год, а также библиотека при чайной уездного комитета попечительства о народной трезвости, которую посетили до 10 тыс. человек. Также при земской больнице и арестном помещении имелись две земские пятирублёвые библиотеки.³¹

Общественными организациями города были Общественное собрание, Вольное пожарное общество, Общество трезвости.

Благотворительных учреждений, занимавшихся вопросами призрения, было 4. В их числе Благотворительное общество содержало дом призрения малолетних детей (приют), где в 1904 г. призревались 4 мальчика и 4 девочки и выдавало пособия бедным учащимся. Ежегодный расход общества составлял до 2000 рублей. Общество вспомоществования нуждающимся ученицам гимназии ежегодно расходовало до 990 руб., а перед праздниками Св. Пасхи и Рождества Христова устраивалась в пользу бедных подписка, дававшая ежегодно около 85 руб. Кроме того, из средств города в течение года выдавалось пособий бедным жителям и нуждающимся учащимся на сумму около 219 руб.

Земское самоуправление занималось вопросами здравоохранения, и результатом стала деятельность в Уржуме земской больницы на 50 кроватей, 1 аптеки, 3 врачей, 1 акушерки, 2 фельдшеров, и 2 фельдшериц. Имелся также и ветеринарный врач.

Уржумская торговля по-прежнему была представлена двумя традиционными ярмарками: на Троицкую ярмарку, проходившую на Троицкой неделе, привозился мануфактурный и бакалейный товары, поярок, холст и кустарные изделия. Оборот Троицкой ярмарки составлял до 20 тысяч рублей. Приходская ярмарка проходила в 20 числа октября, когда в Уржум привозили Св. Иконы из Вятки. На неё привозили меховые товары, шерсть, кудель, льняное семя; оборот ярмарки составлял 15 тысяч руб.

Продукты питания в Уржуме, как и по другим уездам Вятской губернии в начале XX века, стоили дёшево: в розничной продаже 1 фунт печёного ржаного хлеба стоил 2 коп.; пшеничного – 4 – 5 коп.; 1 фунт соли – 1 коп., а пуд её – 30 коп; 1 фунт мяса лучшего сорта 10 – 12 коп., худшего – 8 – 9 коп; 1 фунт сахару – 16 – 17 коп. При этом наёмная плата прислуге в месяц на готовом содержании составляла: мужской - от 6 до 15 руб. в месяц, женской – от 3 до 5 руб. Чернорабочий получал: мужчина – 40 – 60 коп., женщина – 25 – 40 коп в день.

Городская промышленность была представлена 6 «фабриками и заводами», с общим числом рабочих на них 21 человек, и годовым оборотом до 8245 руб. Более развиты были ремесленные заведения, которых в городе насчитывалось 18 с 120 ремесленниками.

Активное лесопромышленное и иное предпринимательство в уржумском уезде привело к появлению в самом Уржуме кредитного учреждения. Таковым в начале XX в. был Городской Общественный банк, входивший в структуру городского общественного управления г. Уржума. Его основной капитал к 1904 г. составлял 15 497 руб.57 коп. (при основании 10 000 руб.).³² Его директором был уржумский купец Иван Родионович Шамов, который являлся в этом городе также и агентом С.-Петербургского страхового общества.³³

На последующие годы удаётся лишь фрагментарно проследить деятельность Саввы Дмитриевича Шамова. Так, на 1912г. он отмечен как по производству «Механическая обработка дерева. с. Шурма. Б Шурминск в Вятской губ». В г. Уржуме он торгует бакалейными и колониальными товарами.³⁴

В общероссийском промышленном справочнике на 1914 г. он значится как владелец лесопильного завода, образованного в 1894 году в «местности с. Шурма и Турек, Больше -Шурминской волости Уржумского уезда. Контора завода находилась в Уржуме. На заводе имелся 1 паровой двигатель в 20 лошадиных сил и 30 человек рабочих. Годовая производительность завода была 60 тысяч рублей.³⁵

Пристань Турек на реке Вятке в начале XX в. была богатым торговым старообрядческим селом с единой церковью. В Туреке жили крупные лесопромышленники Вятского края, большие богачи, занимавшиеся и скупкой хлеба, льна и льняного семени. На 1914 г. торговых предприятий в Туреке числилось 16 с оборотом в 92 тыс. руб., и 9 лесопромышленных фирм с оборотом в 138 тыс. руб. В Туреке было почтово – телеграфное отделение, а турекская пристань отправляла грузов до 730 тыс. пудов, преимущественно земледельческих продуктов и леса.

Ниже Турека в реку Вятку с левой стороны впадает лесная река Немда, в устье которой имелась пристань, отправлявшая до 60 плотов леса, весом свыше 700 тыс. пудов. Здесь же был расположен лесопильный завод братьев Шамоных, с производством на сумму до 123 тыс. руб.

Также на реке Вятке, при впадении в неё речки Шурминки находился Шурминский завод или в просторечии Шурма. В начале XX в. на заводском пруде вместо прежних железоделательных заводов, принадлежавших когда-то Мосоловым, стояла мукомольная мельница. Заводские поселения Старая и Новая Шурма к этому времени уже слились и представляли один сплошной посёлок, с населением в 3000 душ. В Шурме на 1914 г. было 3 церкви, несколько училищ, земская больница, почтово-телеграфное отделение, волостное правление, 21 торговое и 1 промышленное предприятие с общим оборотом в 169 тыс. руб. Население, кроме земледелия, занималось бурлачеством и лесными промыслами у местных и турекских лесопромышленников. Через завод проходил Вятско – Казанский почтовый тракт, а Шурминская пристань отправляла до 16 тысяч пудов грузов.³⁶ В Буйском заводе, расположенном в 17 верстах западнее Уржума по дороге на Кукурку, была мельница Шамоных, с оборотом в 6 тыс руб.³⁷ Лесным материалом Савва Дмитриевич торговал в 1912 г. и в самом Уржуме.³⁸

Дореволюционные годы XX в. – это время наивысшего развития предпринимательской деятельности Саввы Дмитриевича Шамова и благополучия его семьи.

По воспоминаниям моей мамы, от брака с Домниной Ольгой Ивановной (скончалась в феврале 1924 г.) у них было трое детей.

Старшей дочерью была Анна Саввишна, которая была замужем и жила в деревне (муж неизвестен) и жила в деревне. У Анны Савишны был один сын Егор и внук Ефим, а муж её жил на пчельнике – тоже образец крестьянской жизни свои трудом. Был ещё младший сын, который скончался молодым.

Средний сын Саввы Дмитриевича – Матвей Савич Шамов (1890 – 1942) в 1914 г. женился на Ляховой Екатерине Фёдоровне (1893 – 1915).

Матвей Савич не имел предпринимательского таланта и в этом не пошёл в Савву Дмитриевича, средствами которого он широко пользовался. У него был первый в Уржуме автомобиль, а в свадебном путешествии молодые посетили Францию, Италию.

Свадебное фото было сделано в Ницце, а большой портрет Екатерины Фёдоровны был выполнен в Петрограде в «Художественном Бюро» работ Петроградского Т-ва молодых художников на Суворовском проспекте, д. 7.

На фото: «РСФСР. Подотдел управления Уржумского уездного совета крестьянских и рабочих депутатов Вятской губернии. 22 августа 1923 года. № 4089. В метрической книге Уржумской Старообрядческой Поморско – Брачной Общины значится, что у гражданина гор. Уржума Вятской губернии **МАТВЕЯ САВВИЧА ШАМОВА** и его жены **Екатерины Фёдоровны** родилась 14 января 1915 года дочь **Ксения** какое событие и записано в книге под № 60...его и удостоверяется. Канцелярский сбор внесён под квитанцию за №. Заведующий подотделом (подпись неразборчива) делопроизводитель **Петухова**».

Единственной дочерью Матвея Савича и Екатерины Фёдоровны стала моя мама - Ксения Матвеевна Шамова, родившаяся 14 (27) января 1915 г. в Уржуме и крещёная по старой вере в Уржумской старообрядческой Поморско-брачной общине. Фактически со дня своего рождения мама осиротела, так как её мама Екатерина Фёдоровна скончалась на следующий день после родов и была похоронена в Уржуме, на её могиле был поставлен резной каменный памятник. Через год Матвей Савич женился вторично на Калмацкой Надежде Константиновне.³⁹

Женой Саввы Дмитриевича Шамова была Ольга Ивановна Домнина. Некоторые сведения о ДОМНИНЫХ имеются в справочных изданиях, но к кому из нижеуказанных Домниных относится Ольга Ивановна, я не смог установить.

Так Егор Дмитриевич Домнин торговал мануфактурным, галантерейным, колониальным и гастрономическим товаром и фруктами в Вятской губернии и имел в г. Котельнич на Московской улице собственный дом.

Матвей Егорович Домнин торговал мануфактурным, галантерейным товаром и зерновым хлебом и мельничными продуктами в «с. Байса той же волости Уржумского уезда Вятской губернии».

Домнин Иван Григорьевич имел мукомольное производство при с. Мазе той же волости Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Он же торговал колониальными и гастрономическими товарами и фруктами в «с. Лысково той же волости Макарьевского уезда Нижегородской губернии».

Домнин Василий Дмитриевич торговал колониальными и гастрономическими товарами в г. Вятке, где на Спасской улице имел собственное помещение – пряничное заведение, у него было 8 рабочих.⁴⁰

По сведениям советского уже периода в г. Котельнич в начале 20-х гг. действовал лесопильный завод, бывший Домнина и Голомидова. Он имел 1 двигатель в 25 лошадиных сил, 4 служащих, количество рабочих не известно. Завод был упомянут в связи с тем, что в г. Вятке 4 сентября 1922г. открыло операции Вятское губернское отделение лесной промышленности «Вятколес» с соответствующим составом правления: председатель Талевич, члены правления Зыков, Дробышев, Рудаков, кандидаты Кротовский, Бененсон.⁴¹

В самом Уржуме на 1904 и 1906 годы известен член по избранию Земского Собрания по II податному участку Матвей Егорович Домнин.⁴²

В тесных, видимо, деловых отношениях с Саввой Дмитриевичем были БУШКОВЫ. Имеются отрывочные данные о разных БУШКОВЫХ. Наиболее раннее упоминание относится к 1881 г. Тогда в Устюжском уезде Новгородской губернии Бушковы, почётные граждане, имели мукомольное производство с выработкой до 60 тыс. пудов муки. Количество рабочих неизвестно.⁴³

На 1887г. в Указателе фабрик и заводов в разделе «смолокурное, смоловое, дегтярное и скипидарное производства» по Вятской губернии в числе 12 фамилий упомянут Бушков Селивёрст Никифорович. В Мултанской волости Малмыжского уезда он выкуривал 3000 пудов дёгтя «производительностью в 3 000 руб.» У него работало 7 рабочих.⁴⁴

Под тем же 1887 г. в Вятской губернии известны Бушковы: Иван Савельевич, который в с. Укони Нижнеуконской волости Глазовского уезда торговал «разным товаром, колониальными и гастрономическими товарами и фруктами»; а также Трифон Корон(ович – или Кононович ?), в с. Турек Терebilовской волости Уржумского уезда торговавший зерновым хлебом и мельничными продуктами.⁴⁵

На 1912г. известен Бушков Григорий Никандрович, указанный как «землевладелец», имевший «от 5000 до 3000 десятин земли» в «с. Турек той же волости Уржумского уезда».⁴⁶

Наступил революционный 1917 год, роковым образом полностью перечеркнувший всю прежнюю налаженную жизнь.

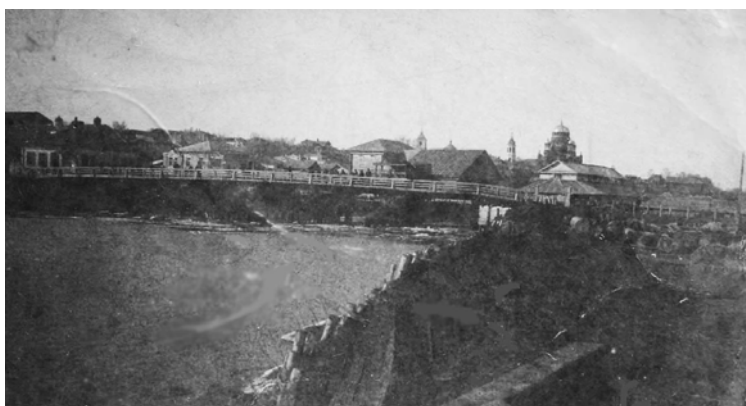
В Вятском Крае за первые месяцы революции (по материалам газеты «Вятская Речь»): «1/14 февраля – марта в Уржуме в 10 часов вечера получается первое телеграфное известие о революции. В 11 ½ ночи созванное земством совещание граждан постановило: полученные телеграммы немедленно отпечатать, поместив впереди их воззвание от земства, распространить листки по городу и с нарочным разослать по уездам (№ 58).

3/16. Уржум. В 12 часов ночи собранием граждан города избирается Временный комитет по охране спокойствия, в составе 17 человек, которому даются полномочия «охранять тишину и спокойствие, не допускать манифестаций и не нарушать обычного течения занятий городского и сельского населения, дабы тем помочь Временному Правительству работать на благо Родины и для скорейшей победы над врагом. (№№ 55,58).

4/17 Уржум. Духовенство в церквях огласило Манифест об отречении Николая и Михаила. Представители крестьянского населения заявили исполнительному комитету на заседании последнего свою готовность поставлять на армию и в рабочие центры весь хлебный излишек. (№ 58).⁴⁷

Но в городе Уржуме и уезде в это же время уже «нарастал революционная волна». Через год эта волна большевицкого толка вылилась в создание в марте 1918 г. большевицкой организации, в которой летом 1918 г. насчитывалось 20 большевиков. А в течение апреля – мая 1918 г. Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов во главе с местным большевиком Н.И. Ёлкиным «провёл работу по национализации домов крупных торговцев и промышленников, конфискации автомобилей».⁴⁸ Все эти действия большевицкой власти в Уржуме Шамовы испытали на себе. С тех пор им и их потомкам, как и всем слоям российской буржуазии и предпринимательства с тех пор суждено было именоваться только - «...из бывших».

ДЕВОЧКА ИЗ УРЖУМА

*Воспоминания моей мамы
по уржумскому периоду
её жизни 1915 – 1925 гг.:*

« Я родилась 14 (27) января 1915 года в богатом доме Шамовых на главной улице г. Уржума Вятской губернии. Моя мать Екатерина Фёдоровна Ляхова умерла на другой же день. Отец Матвей Савич Шамов через год женился, и у меня стала мама Надя (Надежда Константиновна Калмацкая), её родители и две сестры постоянно жили в Ташкенте. Дедушка Шамов Савва Дмитриевич имел богатые лесные промыслы и, приехав в

Саратов, познакомился с Ляховыми. При моём рождении дедушка положил на моё имя в уржумский банк 10 тысяч рублей золотом «на зубок». Саратовский дедушка Фёдор Андреевич Ляхов говорил мне, что он и Савва Дмитриевич собирались открыть в Саратове спичечную фабрику на паях, но не успели этого сделать из – за начавшейся революции.

Мать, умирая, просила назвать меня Ниной (я родилась в день Нины), но при крещении не были согласны, так как Нина грузинское имя, а я русская, к тому же родители старой веры, и я стала носить имя Ксения. Мне наняли кормилицу, а из Саратова приехала няня Даша.

На фото: Дом Шамовых в Уржуме. Сидят: Ляхова Пелагея Федоровна, Шамова Ольга Ивановна, Мишурина Анна Кондратьевна. Стоит: Ляхов Владимир Федорович. Сзади: Шамова Екатерина Федоровна. Фото 1914г.

Так я стала жить с дедушкой, бабушкой Ольгой Ивановной (Домниной), отцом и мамой Надей. Дедушку я помню только в одном случае, это было, видимо, в 1918 или 1919 году в том доме, где я родилась. Я сидела за столом и уронила хлебные крошки на пол, а дедушка заставил их поднять и сказал: «никогда не топчи ногами хлеб». Умер он после того как всё отняли и мы переехали в другой дом.

Дом Шамовых был белокаменный, двухэтажный, напротив дома был банк.

На фото: Дом Шамовых в Уржуме. Во дворе стоят Максим Несторович Финаев, Евдокия Андреевна Финаева (Урожденная Ляхова), Пелагея Федоровна Ляхова и Екатерина Федоровна Ляхова. Фото 1914г.

За домом протекала река Уржумка, в центре города на той же улице был огромный собор красного цвета с серебряными куполами, рядом базарные ряды, а за ними городской сад, куда мы часто ходили кататься на карусели и на «гигантских шагах», это было уже в 20-е годы. На Пустоваловской улице (Свободы или Советская, д. 41/19) я жила до 1925 года.

Как переезжали, не помню. Сначала жили во флигеле, а потом, когда отец стал работать, нам дали квартиру на первом этаже двухэтажного дома, низ был каменный, а верх деревянный голубого цвета. С южной стороны у дома были террасы, но не застеклённые, а внизу росли разные деревья. Я очень хорошо помню этот дом и старый заросший сад. Видимо, этот дом и сад принадлежали тоже Шамовым. Стоял он на спуске улицы последним, а напротив (узнала из книги «Мальчик из Уржума») был организован музей С.М.Кирову в доме, где он жил в раннем детстве. От нашей улицы вниз спускалась деревянная лестница к колодцу, а по обе её стороны на косогоре были дороги, по которым ездили на лошадях. Эта гора весной покрывалась одуванчиками, а летом поспевала клубника, и конечно мы её собирали и съедали ещё зелёной. Улица имела деревянные тротуары, а середина была заросшей мелкой травкой, да по ней и никто почти не ездил тогда. Двор наш был закрыт большими каменными белыми плитами и всегда был чистый.

В нашем доме жили мои подруги Лёля и Лена Спасские. У Лёли была старшая сестра Марина. Я хорошо помню их маму Веру Павловну Спасскую, она была учительница и умерла, когда Лёля училась в 1 классе. У Лены мама Ольга Павловна была пианисткой. Были ещё два брата учителя, один жил с женой в нашем доме, а второй брат на нашей же улице наискосок. Во флигеле жила семья Гончаровых, приехавших откуда – то на работу, мы подружились с Фаней – старшей сестрой и Таней – младшей.

Жили все очень дружно, каждый день играли в саду, особенно любили играть на широкой скамье у избушки (видимо, раньше там жили сёстры) рядом с дубом и рябиной. Посреди сада рос огромный куст калины, зимой мы часто, увязая в снегу, бегали смотреть как снегири клюют ягоды, очень много их прилетало, обсыпали весь куст.

С бабушкой я ходила в лес за грибами, набирали большую корзину рыжиков и солили их в больших бутылках. В лесу у нас была любимая поляна, весной вся покрытая фиалками, а летом собирали землянику и костянику – эта ягода не вкусная. В саду под кустами смородины росли ландыши. Но мы никогда не рвали цветы, видимо, не разрешалось. В полях росла рожь – вот там – то мы и собирали букеты васильков. От нас с горы хорошо было видно поле льна, когда цвёл всё поле было голубым, а через несколько дней уже зелёное, а потом и буро – серое. Через это поле мы ходили в лес, его также было видно от нашего дома.

Когда я заболела дифтеритом, меня отвезли в больницу на окраине города, так там лес подходил прямо к больнице, но это был лес не старый.

Однажды бабушка собралась поехать на свою бывшую усадьбу. Мы ехали в тарантасе на лошади, ехали долго. Запомнились на всю жизнь мне её слова: «вот здесь была моя светёлка», а это место – развалины, покрытые высокой травой. Там же рядом стоял деревянный большой дом с широкой лестницей – это была лесопилка, а рядом глухой чёрный еловый лес, даже трава не росла в нём, только мох и грибы, мне стало очень страшно, и я поскорее ушла к бабушке.

С бабушкой ездила я к сестре отца Анне Саввишне в деревню. Вот запомнился большой деревянный дом, двор под крышей, а за ним речка с утками и утятами, огуречные гряды и огромный кедр с шишками. Мне очень понравилось искать огурцы в листьях, а дома у нас на огороде сажался только лук, горох и репа. В деревне смородину и малину собирали в решёта, кузовки из бересты, так и везли в Уржум на базар. У Анны Саввишны был сын Егор и внук Ефим, а муж её жил на пчельнике – тоже образец крестьянской жизни своим трудом, так и запомнилась мне эта поездка. Бабушка, видимо, чувствуя свою уже недолгую жизнь ездила прощаться, но мне этого не говорила.

Родился мой брат Алёша в 1922 г. Так вот и подошло время учиться в школе – в 1923 г. Школа была на нашей же улице через несколько домов, от школы шла широкая улица к красному собору. Учиться пошли вместе с Леной и Лёлей, а зимой в начале 1924 г. умерла моя бабушка. Я очень любила её, видела только ласку и конечно очень тяжело стало мне без неё.

Прошла уже страшная голодовка, когда бабушка варила суп – «семенуху» из конопляных семян, пекла ржаные лепёшки; мы, ребята, всегда бегали искать дикую редьку (ели стебли сочные от неё с солью) и всегда хотели есть, а кроме пареной тыквы и репы ничего не было.. Обменяли деньги – «миллионы» на рубли и копейки, было очень интересно покупать в лавке конфеты, булочки на 10 – 15 копеек. Быстро запомнилось, что сколько стоит.

Моя первая учительница Елизавета Ильинична Курочкина переехала жить в наш дом – Спасские уступили ей маленькую комнатку. Часто рассказывала нам о растениях, вместе с ней мы ходили по саду, и однажды весной она сказала: «девочки, сегодня земля именинница, давайте посеём семена цветов». Это мне как – то очень запомнилось.

Я не могу говорить ничего про отношения отца и мамы Нади, я как – то жила помимо них, не замечая и не любя отца. Он запомнился мне в богатой шубе на меху с большим воротником и в меховой шапке, так он одевался зимой, когда ходил на службу, а где тогда работал, я не знаю.

На фото: Шамов Матвей Савич со второй женой Калмацкой Надеждой Константиновной. Нижний Новгород, май 1916г.

Алёшка был очень хорошенький, кудрявый, я с радостью играла с ним. Но эта весна после смерти бабушки как – то всё изменила. Мама Надя с Алёшей поехали повидаться со своей сестрой Зинаидой в Самару, уехали ничего не сказав отцу, помню, как он искал их по Уржуму, и осталась я с ним вдвоём.

Хорошо ещё, что в нашей «избушке» жила тётя Паша – сводная младшая сестра моей бабушки, я учила с ней уроки, читать уже хорошо научилась и почти всё время была с ней. У меня были детские книги «Макс и Мориц», «Задумчивое слово» – как бы руководство для обучения девочек, «Приключения Мурзилки» и книга стихов русских поэтов. Был интересный

альбом в цветных картинках. Все эти книги я много раз читала, много запоминала стихов.

Я рано полюбила книги. Ещё в Уржуме я уже читала Метерлинка «Синяя птица», журналы «Солнце России», разные сказки. Помню, отец мой был большим любителем книг, и перечитывал Достоевского, Тургенева, Толстого «Война и мир». У отца книги хранились в тумбочках трельяжа. Трельяж был красивым: три зеркала на столике с розовым бархатом под толстым стеклом, высокие зеркала. На столике всегда стояли изящные фарфоровые фигурки, которые отец очень берёт и сам вытирал с них пыль. Под потолком над кроватью отца была полка с серыми противными химерами из Италии, а на тумбочке у кровати стоял всегда ночник белый фарфоровый с зелёными глазами, которые светились в темноте! Всё это было продано, когда пришлось переехать сначала в Пермь, а потом в Ташкент.

Так началось моё самообразование помимо школы. Весной, видимо, в июне, я со Спасскими ездила на открывшуюся за городом ярмарку. Была поражена каруселями, качелями, шатром с Петрушкой (куклой). В рядах продавались конфеты, пряники, бублики и другие сладости – кое-что перепало и мне за какие-то копейки, данные отцом!

Когда поспела в лесу земляника, отец пошёл со мной в какой-то другой лес, не туда, куда я сама знала дорогу, а немного заблудилась, бегая за ягодами, и вышла к большущему муравейнику, муравьи набросились на мои ноги, стали кусать. Я от испуга страшно закричала, а отец то оказался рядом, смахнул всех муравьёв с меня. Это был единственный раз, когда я ходила с ним.

Видимо, мама Надя написала отцу письмо, потому что вскоре мы поехали в Самару!

От Уржума до реки Вятки было две дороги: на Цепочкино и на Турек. По которой дороге ехали – не помню, но недалеко от Уржума наш тарантас въехал в берёзовую аллею, и мы поехали между старых, старых берёз. Некоторые берёзы были без верхушек. На пристани дождались парохода.

По реке Вятке пароходы ходили под названием «Дедушка», «Бабушка», «Дочка», «Внук» и т.д. Второй класс, то есть каюты располагались внизу, а первый класс наверху. Для пассажиров третьего и четвёртого класса к пароходу прицеплялась баржа.

Мы ехали на пароходе; у кают были круглые окошки, а под ними близко плескалась вода. Мне было всё очень интересно, ведь это было моё первое путешествие; смотрела на воду, на берега. Один берег был плоский с зелёной травой, а другой – крутой склон, поросший еловым лесом. На берегу часто стояли домики, были привязаны лодки. На реке бакены красного цвета.

Так мы доехали до впадения Вятки в реку Каму, где пересели уже на большой пароход. Интересно было всё, но особенно пристани, там чего – только не продавали, особенно много лежало кулей с разной копчёной рыбой. Отец покупал свою любимую копчёную стерлядь.

В Богородске пересели уже на волжский пароход «Володарский», почему – то окрашенный в розовый цвет, а все остальные пароходы были белые. Ехали мы долго в одноместной каюте, я спала на какой – то приставной маленькой скамеечке. Было уже очень тепло, и мы всё время сидели на палубе. Отец, видимо, очень любил поездку по Волге, видимо вспоминал мою мать, был всё время хмурый.

Очень хорошо запомнилось мне как в каюту вошёл в белом официант и принёс нам обед – бульон и плавающее в нём яйцо всмятку – это было любимое блюдо отца – «консоме с пашотом»!

Названия пристаней запомнились также: Симбирск, Сенгилей, Камское устье, Ставрополь. Отец мне показывал на Жигулёвские горы, долго молча смотрел на них.

И вот к вечеру, уже темнело, мы причалили к пристани Самары. Здесь первое, что меня удивило, когда мы стали сходить на берег, были стоящие по обеим сторонам женщины с большими чёрными противнями и кричали « Кому горячих жареных семечек». В Уржуме - то подсолнухи не росли и кроме кедровых орехов я ничего не грызла.

От пристани на чёрном блестящем фаэтоне мы поехали в город Самару! Видела широкие освещённые электричеством улицы, огромный в центре города памятник какому – то царю, много больших деревьев на улицах – всё это было интересно и так отличалось от нашего Уржума. Больше же всего меня поразил увиденный утром трамвай. Я закричала, помню, «дом поехал» и бросилась скорее во двор! Вот какая я была ещё «дикая»!

В Самаре жила сестра мамы Нади – Зинаида со своим мужем Павлом и две его взрослые дочери, они меня везде водили по городу, всё показывали, но запомнился только цирк. Это было для меня удивительное событие: всё блестит, играет музыка, акробаты, клоуны, дрессированные лошади и собачки!

Ещё что меня удивило в Самаре, так это продажа букетов цветов на улицах. Как всё отличалось от моего родного Уржума. Ведь в это время везде уже был НЭП, и кто как умел жил по – новому.

Дядя Павел варил ваксу для чистки обуви, видимо, был хороший делец, упрекал отца в том, что не умеет ничего делать. Сколько прожили в Самаре, не знаю, но мама Надя повезла меня в Саратов познакомиться с родителями моей матери.

Как же мне сразу не понравился Саратов – это несравненно худший город, не то что Самара! Ляховы жили на окраине города, в маленьком одноэтажном доме № 310 по Горной улице рядом с двухэтажным белым домом Ляховых, что стоит на углу Горной и Астраханской улиц.

Помню, когда я с мамой Надей вошла во двор, то соседка постучала в дверь и крикнула: «Прасковья Кондратьевна, к вам гости», и вот я увидела свою новую бабушку и как – то не сразу подошла к ней, и мне не захотелось быть здесь. Договорились, видимо, что я только немного погощу и снова поеду в Уржум.

На другой день пришла моя тётя Поля – крёстная с маленькой девочкой Ниной, познакомились, и я как – то потянулась к Ниночке, стала играть с ней, и она ко мне также пошла охотно. Утром уехала мама Надя.

Потом я узнала своих дядей: Володю, Ивана и Шурика, а дедушки в Саратове не было, где – то работал. Я долго не могла привыкнуть к этой семье, всё для меня было чужое: старая бабушка, неразговорчивые дяди, пыльный двор без единой травки, воду носят из колонки за ½ копейки ведро, всё чужое и скорее бы уехать в свой Уржум!

Приехал откуда – то дедушка Фёдор Андреевич, и он сразу мне как – то понравился. Дедушка, по-видимому, очень любил мою маму, он как – то если и не ласково, на стал заботиться обо мне.

Я в Саратов приехала в американских ботинках (давали нам от АРА вместе с маисовой кашей и соевым какао в голодные годы в Уржуме), и вот я с дедушкой поехала на Верхний базар в торговые ряды, и он мне сказал: «выбирай сандалии, какие тебе понравятся». Я сразу выбрала самые красивые, их купили, а дома я поняла, что они мне малы. Продав их девочке в нашем дворе, дедушка уже без меня купил сандалии похуже и на два номера больше, чем была моя нога, так делал и в дальнейшем, покупая ботинки.

Бабушка была очень верующая, неграмотная, не ходила ни в кино, ни в театр. В углу большой комнаты стоял Киот с иконами и покатая скамеечка для

поклонов (с подрушником), а в Уржуме этого не было. Каждое воскресенье бабушка пекла пироги из белой муки с рыбой, печенью («пирог с кишками» как я прозвала тогда), ватрушки с творогом, булочки сладкие. Пироги с паслёном (поздника), любили все Ляховы, а я не могла их есть. В это лето я впервые попробовала сливы, спелые яблоки (а в Уржуме у нас росли только ранетки и то не успевали дозревать из-за прохладного лета) помидоры, арбузы и дыни. Больше всего мне понравились дыни.

День за днём шло моё житьё в Саратове. Из бабушкиной кофты батистовой сшили быстро мне летнее платье, купили ленты для бантов, и я уже как – то стала привыкать к бабушке и дедушке.

Наверное, уже в сентябре вдруг приехал отец, мама Надя и Алёшка, сказали мне – «едем в Уржум». Это для меня была большая радость!

Поехали мы не на пароходе, а на поезде до Казани, а оттуда на другом поезде до Вятских Полян. Я с удивлением всё время, даже в темноте, смотрела на окна, особенно было интересно смотреть как сыпятся искры их дыма от паровоза. Ведь я ещё не ездила ни на пароходе, ни на поезде – всё это было в первый раз.

Приехали на лошади в тарантасе от Вятских полян, было уже холодно, и меня и Алёшу всё закрывали каким – то одеялом от сильного ветра.

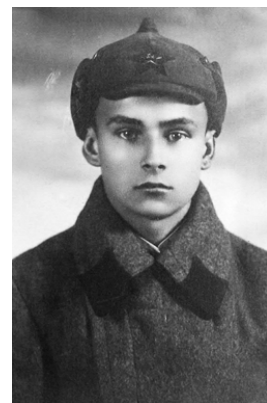
Рано утром я скорее, пока никто не видит, кинулась в сад, быстро пробежала все свои любимые уголки – «поздоровалась» и с дубом и с рябиной, калиной, забежала к тётё Паше в её избушку, рассказала какие «чудеса» я видела в Самаре, как гостила в Саратове. К началу занятий в школе я уже запоздала и стала как можно усерднее учиться.

Зимой я сильно простудилась и заболела дифтеритом, после больницы поправлялась у тётё Паши, чтобы не сразу попасть домой и не заразить Алёшу.

На Рождество у нас дома и у Спасских устроили ёлки, их принесли сразу из леса какие-то мужики. Как сейчас помню большую картонную коробку с блестящими игрушками. Особенно запомнились крупные голубые шары, обвитые «канителью», различные игрушки из картона, ваты, длинные цепи и флажки, а также бусы – всё блестело и отражалось в пламени свечей.

К Рождеству из Саратова мне пришла большая посылка от тётё Поли и тётё Дуси: грецкие орехи (я их увидела в первый раз), конфеты, пряники, яблочки – всё повесили на ёлку.

Алёша был ещё маленький, но очень живой, нетерпеливый, всё кидался к ёлке, стараясь что-нибудь ухватить с неё. Приходили какие – то знакомые отца, приносили граммофон с пластинками – словом, как настоящий весёлый праздник была для меня эта ёлка нового 1925 года.

На фото: Шамов Алексей Матвеевич. Надпись: «На память сестре Ксени. Пребывание в Красной Армии. г.Каунас. от Алеши» 16 марта 1941г. Это было последнее известие от него. Пропал без вести в первые дни ВОВ.

На первое мая в Уржуме была демонстрация, и я с подругами бегали смотреть на флаги и слушать, как играет духовой оркестр.

Летом приехал в Уржум из Саратова дядя Володя и сказал, что берёт меня с собой в Саратов. НАВСЕГДА! Видимо, это было уже решено с отцом после того, что случилось осенью 1924 года. Тогда в Уржум приехал дядя Павел из Самары. Привёз два огромных арбуза. Наверное, он и мой отец о чём – то договорились, и он приехал за окончательным решением.

У отца после конфискации оставались какие-то драгоценности, которые хранились в железной банке из-под конфет. Эта банка укрывалась в большой железной банке и была зарыта в саду старика Рукавишникова, за забором от нашего сада. Когда приехал дядя Павел, отец сходил и взял свои драгоценности, показывал ему, а потом всё зарыли за нашей баней в саду. Как всё произошло, не знаю, но вскоре, видимо, отец ходил выкопать банку, но её там не оказалось. Помню, отец скандалил с мамой Надей, посылал телеграмму в Самару и не получил ответа. Скандалы дома стали частыми. Мама Надя плакала, клялась Алёшей, что ничего не знает. Впоследствии Зинаида призналась маме Наде, что они всё прокутили.

Конечно, отец, наверное, написал потом в Саратов что произошло, что он стал совсем нищим, вот тогда – то и решили взять меня к себе дедушка и бабушка.

Без восторгов стала собираться в дорогу. Сходила с Леной и Лёлей в лес на любимую фиалковую полянку, выкопала на опушке маленькую ёлочку и посадила её у рябины в саду, сходили с отцом и дядей Володей на Главную улицу к дому, где я родилась. Дядя Володя при жизни моей матери бывал в Уржуме, гостил в доме Шамовых, хорошо знал его. С ним же и с отцом сходили на кладбище.

И вот в 1925 году, летом, на тарантасе, как и в прошлом году, по этой – же дороге я уехала из Уржума. Мне было очень тяжело, но я не плакала, когда прощалась со всеми. Все вышли на улицу меня проводить.

Из-за «экономии денег» мы ехали на барже до камского парохода. Также как и прошлом 1924 году, я всё время смотрела на берега Вятки, на пристани, на разный народ; ехали и русские и марийцы (тогда звали черемисы) и ещё какие-то не говорили по-русски.

В Богородском дождалась волжского парохода, запомнилось название «Памяти товарища Азина», и внизу, почти – что на полу, устроились и поплыли в Саратов. Дядя Володя почти всё время молчал, видимо не понимая, как мне тяжело было уезжать из Уржума. Я познакомилась на пароходе с женщиной, она меня всё спрашивала, кто я, куда и с кем еду? Вот тогда – то я поняла, что такое ласка и сочувствие чужого человека.

С пристани в Саратове поехали не на фаэтоне, а на трамвае до Астраханской улицы, а там по посадкам шли пешком до Горной улицы..

Вот так с 1925 года я стала жить в Саратове с десяти лет на большой Горной улице, дом 310, но ласки я здесь не увидела. Я всё время сравнивала отношение ко мне со стороны Ляховых с тем, как меня любила и ласкала моя уржумская бабушка Ольга Ивановна.

На фото: Шамова Ксения Матвеевна. Фото 1932г.

С 1925 г. начался саратовский период жизни моей мамы, который был очень трудным. Здесь она окончила неполную среднюю школу, с 17 лет вынуждена была пойти работать в городской трест электросетей, очень хотела учиться, и, сумев перед Войной закончить вечернюю среднюю школу без отрыва от работы, в 1941 году по призыванию поступила в Саратовский сельскохозяйственный институт. Встреч и переписки с отцом не было, но известно, что он умер в Уфе в 1942г.

В 1943 г. вышла замуж за моего отца, Ардабацкого Николая Николаевича, инженера саратовского радицентра, в 1945 г. родился я. С начала 50 – х гг. мама работала на Саратовской областной станции юных натуралистов. Всю жизнь вела кружковую работу с детьми, специалист по цветоводству.

Многokратный участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве (ВСХВ, ВДНХ), награждена медалями ВСХВ – ВДНХ, знаком «Отличник народного просвещения», грамотами Министерства образования. С 1972 г. на пенсии. Скончалась 16 октября 1997г. Похоронена на старообрядческом поморского согласия кладбище в Саратове. Родной Уржум она помнила и скучала по нему всегда, но ей не довелось туда съездить, остались воспоминания, написанные мамой в первой половине 90-х годов.

Ардабацкий Евгений Николаевич,
к.и.н., доцент Саратовского
государственного университета,
исторический факультет.

Август 2010, Саратов.

¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Репринт и изд. 1882г. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. С. 620.

² Советская историческая энциклопедия. В 16тт. Т. 11. М., 1968. Стб. 487.

³ Списки населённых мест Российской Империи. Т.Х. Вятская губерния. Список населённых мест по сведениям 1858 -1873 годов. Издан Центральным Статистическим Комитетом Министерства Внутренних Дел. Санкт-Петербург, 1876. С.736; карта Вятской губернии.

⁴ Бехтерев Н. Открытие Вятского наместничества в 1780 году // Столетие Вятской Губернии. 1780 – 1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Изданин Вятского Губернского Статистического Кпмитета.Т.1. Вятка. Типография Губернского Правления и Литография Котлевич, 1880. С. XXXIII, 32.

⁵ Памятная книжка Вятской губернии. Составлена, с разрешения начальства, Старшим Секретарём Вятского Губернского Правления Владимиром Караваевым. Вятка. В типографии Губернского Правления, 1860.С. 196.

⁶ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861 -62 г. Ч.1. Санкт - Петербург, 1863. С. 29 – 31.

⁷ Памятная книжка Вятской Губернии. Составлена, с разрешения Начальства, Старшим Секретарём Вятского Губернского Правления Владимиром Караваевым. Вятка, В типографии Губернского Правления, 1860. С. 196.

⁸ Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Издана Вятским Губернским Статистическим Комитетом. Вятка: Типография Губернского Правления. 1870. С. 24.

⁹ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Составлено Секретарём Губернского Статистического Комитета Н.Спаским. Вятка. В Губернской типографии. 1875. С. 92 – 93.

¹⁰ Памятная книжка Вятской губернии на 1870год. Издана Вятским Губернским Статистическим Комитетом. Вятка: Типография Губернского Правления.1870. С. 24.

¹¹ Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Составлено Секретарём Губернского Статистического Комитета Н.Спаским. Вятка. В Губернской типографии. 1875. С. 40 – 41.

¹² Столетие Вятской Губернии. 1780 – 1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Издание Вятского Губернского Статистического Комитета. Т.П. Вятка: Типография Губернского Правления и Литография Котлевич. ,1881. С. 114, 138.

¹³ Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Издана Вятским Губернским Статистическим Комитетом. Вятка. Типография Губернского Правления, 1870. С. 181 – 183.

¹⁴ Столетие Вятской Губернии.1780 – 1880. Сборник материалов к истории Вятского края.Издание Вятского Губернского Статистического Комитета. Т.П. Вятка, Типография Губернского Правления и Литография Котлевич, 1881. С. 182.

¹⁵ Кузьмичёв А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство: Очерки истории. М.: Прогресс, - Академия, 1995. С. 100 – 10.

¹⁶ Рябушинский Владимир. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. Москва – Иерусалим. «Мосты», 1994. С. 101.

¹⁷ Там же. С.101,123 – 132.

¹⁸ Бурьшкин П.А. Москва Купеческая: Меруары/ Вступ. Ст., коммент Г.Н.Ульяновой, М.К.Шацилло. М.: Вышш. шк.,1991. 352 с.

¹⁹ Указатель фабрик и заводов Европейской России и царства Польского. Материалы для фабрично – заводской статистики. 2-е изд. СПб., 1887. С. 105.

- ²⁰ Адресная книга фабрично – заводской и ремесленной промышленности ВСЕЙ РОССИИ. / Под ред. А.В. Погожева. Изд. Первое 1905. С. Петербург: Тип. М.Д.Ломковского, 1905. С. 130.
- ²¹ Фабрично – заводские предприятия Российской Империи. Совет съездов представителей промышленности и торговли. 2 – е изд. Петроград. Октябрь 1914. № 218 – ж.
- ²² Торгово – промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов. / Под ред. А.А.Блау, начальника статистического отделения Департамента торговли и мануфактур. Министерство Финансов. Департамент торговли и мануфактур С – Петербург. Тип.А.А.Суворина, 1899. Стб. 351.
- ²³ Там же. Стб.1106,1662,1877.
- ²⁴ Россия Полное географическое описание нашего Отечества Дорожная и настольная книга / Под ред. В.П.Семёнова – Тянь – Шанского. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб.1914. С.588.
- ²⁵ Торгово – промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов./ Под ред. А.А.Блау. Стб., 35, 1537, 2438,2470
- ²⁶ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Год XXIII. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка. Губернская типография. 1901. С. 107, 172; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Год XXV. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка. Губернская типография, 1903. С. 167.
- ²⁷ Памятная книжка Вятской Губернии и календарь на 1905 г./ Составлена под редакцией члена – секретаря Статистического Комитета Н.Спаского. Год XXVI. Издание Губернского Статистического комитета. Губернская типография. Вятка, 1904. С. 113, 114; Памятная книжка Вятской Губернии и календарь на 1906 год./ Составлена под ред. секретаря Статистического Комитета Н.Спаского. Год XXVII. Издание Губернского Статистического комитета. Вятка: Губернская типография, 1906. С. 151 – 152.
- ²⁸ Помещиков В.И., Карпов В.Б. Уржум. – Киров.: Волго – Вятское кн. изд – во. Кировское отд., 1987. С. 5.
- ²⁹ Кострикова А.М., Костикова Е.М. Это было в Уржуме. Воспоминания о С.М.Кирове. Горький. : Волго – Вятское книжное изд.-во. 1983. С. 46.
- ³⁰ Большая энциклопедия. / Под ред. С.Н.Южакова. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. В 22 т. Т. 19. С.Петербург, 1901. С.35.
- ³¹ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. / Сост. под ред. члена – секретаря Статистического Комитета Н.Спаского. Год XXVI. Изд.Губернского Статистического Комитета. Вятка: Губернская типография, 1904. С. 75 – 76.
- ³² Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 год. / Сост. под ред. члена – секретаря Статистического Комитета Н. Спаского. Год XXVI. Изд. Губернского Статистического Комитета. Вятка: Губернская типография, 1904. С. 75 – 77
- ³³ Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 год. Год XXIII. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятская Губернская Типография, 1901. С. 172; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1905 г./ Составлен под ред. члена секретаря Статистического Комитета Н.Спаского. Год XXVI. Издание Губернского Статистического Комитета. Губернская типография, 1904. С. 113, 175; Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1906 год / Сост. под ред. секретаря Статистического Комитета Н.Спаского. Год XXVII. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка. Губернская типография, 1906. С. 152.
- ³⁴ Вся Россия Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торговли, промышленности и администрации на 1912 г. Адрес – календарь. Год издания – восьмой. М., 1912. С. 530,593.
- ³⁵ Фабрично – заводские предприятия Российской Империи. Совет съездов представителей промышленности и торговли. Изд. 2. Петроград, октябрь 1914. № 218 – ж.
- ³⁶ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Дорожная и настольная книга. /Под ред. В.П. Семёнова – Тянь-Шанского. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. 591 – 592.
- ³⁷ Там же. С. 590
- ³⁸ Вся Россия. Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торговли, промышленности и администрации на1912 г.Адрес – календарь. Год издания – восьмой. М.: Издание. Я.П.Крюкова. 1912. Стб. 592.
- ³⁹ Фамилия Калмацких известна по Уфимской губернии. В 1881. купец Калмацкий Павел Степанович в г. Уфе во 2 части занимался выделкой кож. У него было 9 рабочих, а производство, оценивавшееся в 26300 руб., давало 3500 выделанных кож .См.: Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим Княжеством Финляндским. Материалы для фабрично – заводской статистики./ Сост. по сведениям Департамента Торговли и Мануфактур. П.А.Орлов. СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых,1881. С. 275Какое отношение он имеет к Калмацкой Н.К. не установлено. В то же время родители Калмацкой Надежды Константиновны жили в Ташкенте. Туда она и уехала со своим сыном Алексеем Матвеевичем Шамовым после развода с Шамовым Матвеем Савичем. Во втором своём браке она вышла замуж за Леонтия Алексеевича Мирошниченко.
- ⁴⁰ Торгово – промышленная Россия Справочная книга для купцов и фабрикантов /Сост. под ред. А.А.Блау. Стб.227,883,974, 1538, 1773,1776,1869; Адресная книга фабрично – заводской и ремесленной промышленности ВСЕЙ РОССИИ. / Под ред. А.В.Погожева. Изд. Первое. 1905. СПб., 1905. С. 364

-
- ⁴¹ Президиум ВСНХ. Справочный каталог Российской промышленности. Издан Редакционно – издательским отделом ВСНХ и издательства Северо-Западного Промбюро. Москва – Петроград, 1923. С.108
- ⁴² Памятная книжка Вятской губернии и Календарь на 1905 год. / Сост. под ред. члена – секретаря Статистического Комитета Н.Спасского. Год XXУ1.Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка, Губернская типография, 1904. С.114; Памятная книжка Вятской Губернии и Календарь на 1906 год. / Сост. под ред. секретаря Статистического Комитета Н.Спасского. Год XXУП. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка. Губернская типография, 1906. С. 152.
- ⁴³ Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. Материалы для фабрично – заводской статистики. Сост. по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П.А.Орлов. СПб., Типография братьев Пантелеевых,1881. С.409.
- ⁴⁴ Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. Материалы для фабрично – заводской статистики. / Составил по официальным сведениям Департамента Торговли и Мануфактур П.А.Орлов. 2- е издание, испр. И значит. Допполн.С.Петербург:Типогр.Р.Голике,1887. СПб, 1887. С. 132
- ⁴⁵ Торгово – промышленная Россия. Справочная книга для купцов и фабрикантов./ Под ред. А.А.Блау. Стб. 1775,2513,1535.
- ⁴⁶ Вся Россия. Издание Я.П.Крюкова. Русская адресная и справочная книга фабрик, заводов, торговли, промышленности и администрации на 1912. Адрес – календарь. Год издания восьмой. М.,1912. Стб. 63.
- ⁴⁷ Известия Вятского научно – исследовательского института краеведения. № 1. Вологда, 1920. С. 82 – 92.
- ⁴⁸ Помещиков В.И., Карпов В.Б. Уржум. Киров: Волго-Вятское книжное издательство. Кировское отделение. 1987. С. 46, 54.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНЕШНИХ ДЕЛ СССР
ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ № 1120

ВАРТАНЕВ, ЗИРИСОН
4-11-1943
Место для штампа
Саратов - ЗАГС

Гр. Ардатацкая
Ирина (девичья)
Матвеевна (отчество)

Гр-ца Ирина (девичья)
Матвеевна (отчество)

вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния
о браке 17-1943 (протокол и запись год, месяц и число)
произведена соответствующая запись

Саратов ЗАГС 17/10 Действительность

Исправление фамилии Матвеева на Ардатацкая сделано согласно свидетельству о браке № 1120 от 17 июля 1943 г. Т.И.И.И.

РАБОДУЧЯ АЖИНИ

Трудовая книжка

Фамилия Ардатацкая
Имя Ирина
Отчество Матвеевна
Год рождения 1916

Образование: начальное, среднее, высшее (подчеркнуть)
Профессия бухгалтер

Подпись владельца Трудовой книжки
Матвеева

Дата взыскания Трудовой книжки
13 июля 1943

Печать государственной инспекции жилищно-коммунального хозяйства
г. Саратов, ул. Гайдара, 20600

ДИПЛОМ

А № 193028

Предъявитель сего тов. Ардатацкая
Ирина Матвеевна
в 1941 г. поступила и в 1946 г. окончила
полный курс Саратовского
сельскохозяйственного
института
по специальности агронома

и решением
Государственной Экзаменационной Комиссии
от 17 июля 1946 г. ей присвоена
квалификация
агронома плодовоощевода

Проректор Государственной Экзаменационной Комиссии Т.И.И.И.
Директор С.И.И.И.
Секретарь И.И.И.И.
Город Саратов 1946 г.
Регистрационный № 37

Государственный институт сельского хозяйства
Саратов, ул. Гайдара, 20600

*Ардабацкая (Шамова) Ксения Матвеевна.
1948г.*

*С сыном – Евгением Николаевичем Ардабацким.
1950г.*

С мужем Ардабацким Николаем Николаевичем.
 Фото 1981г.

